

ДМ. КАБАЛЕВСКИЙ

ПЕВЕЦ ЖИЗНИ И СОЛНЦА

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА

ПОЛСТОЛЕТИЯ, а если говорить точнее, 57 лет тому назад, в один из классов Петербургской консерватории, где происходил приемный экзамен для композиторов, вошел тринадцатилетний мальчик. Сгибаясь под тяжестью двух огромных папок, в которых лежали его сочинения — четыре оперы, симфония, две сонаты и множество различных мелких пьес, он предстал перед экзаменационной комиссией во главе с прославленными музыкантами Глазуновым и Римским-Корсаковым.

Двенадцать профессоров, многое видавших в своей жизни, сперва были поражены количеством музыки, написанной маленьким композитором, потом восхищены талантом этой музыки, тем, как легко сыграл он на рояле предложенную для прочтения с листа сонату Моцарта, и вообще необыкновенным уровнем его музыкальных способностей и знаний. Римский-Корсаков и Глазунов пожали руку и поздравили с поступлением в консерваторию мальчика, которому суждено было впоследствии занять выдающееся место в ряду лучших русских композиторов. Так начались студенческие годы Сергея Прокофьева.

С каждым годом Прокофьев все больше и больше поражал смелостью своих творческих исканий. Вокруг каждого его нового сочинения разгорались жаркие споры. Его Первый и особенно Второй концерт для фортепьяно с оркестром, написанные еще в студенческие годы, — концерты, которые сейчас постоянно играют крупнейшими пианистами всего мира, вызвали при первом своем исполнении такую бурю в музыкальных кругах, какой, пожалуй, никогда и не знала история нашей отечественной музыки.

Что же поражало в сочинениях Прокофьева уже в самые ранние годы? Конечно же, не только но-

визна и необычность формы, своеобразие мелодии, смелость и острота звучания, самобытность композиционных приемов. Поражал прежде всего невероятный, совершенно несвойственный музыке той поры напор жизненной энергии, буйный темперамент, могучая сила. Публика резко разделилась на два лагеря. Одни с трудом находили слова для выражения своего возмущения и чуть ли не отрицали всякую ценность прокофьевской музыки, другие не находили слов для выражения своего восторга и восхищения.

Разделились и мнения критиков. Одни из них, проявляя чрезвычайную недалекость, за испугавшей их новизной и необычностью внешней формы прокофьевской музыки проглядели ее огромную внутреннюю жизненную силу, другие — наиболее проницательные — сразу же угадали исключительный талант Прокофьева и предсказали ему большое будущее.

Говоря об этих последних критиках, надо прежде всего вспомнить имена двух старейших товарищей Прокофьева по консерватории: выдающегося советского композитора, самого близкого друга Прокофьева на протяжении всей его жизни — Николая Яковлевича Мясковского и крупнейшего советского музыкального ученого и композитора Бориса Владимировича Асафьева. Оба они чутко слышали в ранних, даже незрелых еще сочинениях Прокофьева могучий его талант и горячо поддерживали его смелые творческие искания.

Сегодня музыка Прокофьева звучит повсюду, во всех уголках земного шара, в исполнении самых лучших артистов. Его симфонические и хоровые произведения входят в репертуар крупнейших оркестров и хоров мира. Его оперы и балеты украшают репертуар лучших театров. Нет, вероятно, в мире пианиста, скрипача, виолонче-

листа, в программах которых отсутствовало бы имя Прокофьева, как нет, вероятно, и ребят, которые не знали бы и не любили бы чудесную симфоническую сказку Прокофьева «Петя и волк».

Количество сочинений, написанных Прокофьевым, так велико, что почти невозможно понять, как мог один человек столько создать за свою жизнь: восемь опер, семь балетов, семь симфоний и около сорока других симфонических произведений, девять кантат и ораторий, десять концертов — для фортепьяно, скрипки и виолончели, более десяти фортепьянных пьес, в том числе девять сонат, около ста песен и романсов, различные ансамбли, хоры, музыка к кинофильмам, к драматическим спектаклям, музыка для духового оркестра, пьесы для скрипки, для виолончели... Нет ни одного жанра музыки, в котором бы Прокофьев не сказал своего ярко-талантливого, веселого и всегда неповторимо самобытного слова.

Необыкновенно широк круг тем и сюжетов, охваченных Прокофьевым в его музыке. Здесь и величественная эпопея борьбы русского народа с наполеоновскими полчищами в опере «Война и мир», и шекспировская трагедия «Ромео и Джульетта», перенесенная на балетную сцену, так же как и герои поэтических сказок о Золушке и о Каменном цветке. Здесь и славные страницы далекой истории русско-

го народа, воплощенные в богатой кантате «Александр Невский», и самая животрепещущая тема современности — борьба за мир, которой посвящена оратория «На страже мира». Здесь и торжественная ода на окончание Великой Отечественной войны, и герой нашего времени — советский летчик Алексей Мересьев в опере «Повесть о настоящем человеке», и трогательные в своей непосредственности детские песенки.

О детской музыке Прокофьева можно было бы много хорошего сказать отдельно. Детский мир отражен в произведениях Прокофьева с удивительной чуткостью, нежностью и любовью.

Но как бы ни был широк тематический диапазон творчества Прокофьева, как бы ни разнообразны были сюжеты его сочинений, вся его музыка необычайно цельна и едина. Цельна и едина не только по своему музыкальному стилю — ведь прокофьевскую музыку, без труда можно узнать по первым же тактам, — но и по своему внутреннему строю, по своему общему характеру.

Как же определить то главное, основное, что характеризует творчество Сергея Прокофьева? Рядом с чудесной лирикой, есть у него страсти, полные трагизма, есть и безудержное веселье, есть и мужественная суровая поступь. Но все это лишь различные формы проявления того, что наполняет музыку Прокофьева буквально с самых первых его сочинений и до самого последнего, — огромной, ничем не затмеваемой, все перебарывающей любви к жизни. Эта любовь к жизни, к человеку, к солнцу, к родной русской природе была так сильна в Прокофьеве, что все его творчество представляется мне, в сущности, цепью различных проявлений этого единого и в то же время многогранного чувства. Этим и рождены жизненная напористость музыки Прокофьева, ее устремленность к свету, к радости, ее мелодическое богатство, ее ритмическая собранность и упругость.

Прокофьев воспел в своем творчестве сильного, мужественного и в то же время сердечного, способного на глубокие и нежные чувства человека, воспел солнце, воспел радость жизни, воплотив тем самым характернейшие черты и атмосферу нашей современной советской жизни.

Сергей Прокофьев, чье творчество было в свое время отмечено семь раз Сталинскими премиями, был первым композитором, удостоенным самой высокой для советского художника награды — Ленинской премии. Эта премия была присуждена ему посмертно за последнее, написанное за год до смерти, сочинение — Седьмую симфонию. Прекрасна эта симфония — лебединая песня великого русского советского композитора. Она прекрасна по музыке и совершенна по художественному мастерству. Она пронизана духом молодости, сердечности и глубокого поэтического чувства.

Как светлый памятник вечной юности, стоит эта симфония в конце прекрасного творческого пути, который прошел Сергей Прокофьев — достойный преемник своих великих учителей, слава и гордость нашей отечественной и всей мировой музыки.

Рисунок П. Бенделя.